

* * *

Трудности, радости, ленты-дороги –
то на работу, то – на край света...
Не успеваю подумать о многом,
но успеваю прочувствовать это.

Лето сменяет звенящая стужа:
кто-то становится ближе, чем близкий.
Не успеваю понять, что мне нужно,
но успеваю обжечься об искры.
Столько не сделано – чаша без края!..

Что мне поделаться с собою, ведь я же
снова от дел отрекусь, собирая
солнечный луч золотистою пряжей.

* * *

Южный ветер степной, искупай мои стопы в песке,
расплети мои косы, расправь мои плечи и крылья,
спрячь меня ото всех, чтоб не видели - сердцем я с кем,
потеряли из виду меня, ослепленные пылью,
что поднимешь с земли. Нас с тобою увидеть нельзя.
Желтый зной, алый жар - лишь для нас! Для других – пыли сер цвет.
Ты пришел, южный ветер, и ты меня на руки взял.
Я степная, твоя. Ну, а сердце... Ты знаешь, с кем сердце.

ПИСЬМА ИЗ ОМСКА...

... В АВСТРАЛИЮ

И как там оно – на том континенте?
Какое небо? Какие доли?
Мы связаны лишь новостной лентой,
а значит – слабо и ненадолго.

А здесь всё по-прежнему: ветер, ветер...
Иртыш весною перенаполнен.
И тянется город в слепящем свете,
как кот спросонья, как в полдень – поле.
Весенними красками город брызжет...

Мой глобус нынче садист садистом:
мол, знаешь, Австралия в целом ближе,
чем тот, кому сочиняешь письма.

... В КИЕВ

Дружили крепко почти всю школу:
на переменах носиться – вместе,
учиться – вместе и вместе – шkodить.
Меня дразнили твоей невестой.
Весь город нашим был полигоном,

Советский парк был для встречи местом.
И в «Детский мир» перед Новым годом –
шары рассматривать – тоже вместе.

Но ты уехал. Теперь тебе я –
обидчик, враг и москалька – в сумме.
А город новый твой рвет, зверея,
как ты, все связи в своем безумье.
Пишу в последний - отдам дань драме.
Да и зачем – если все по кругу?...

Наш город тихо вздохнет ветрами:
не только я потеряла друга.

* * *

Солнечный день травую скошен,
солнечный наступает вечер.
На подоконнике спит кошка,
бабушка разбирает гречку.

Бабушки нет, и кошки тоже.
Есть только я да моя память.
Солнечный вечер давно прожит,
и не вернуться, не исправить.

Прожито. И держусь за то, что
прошлое становится вечным:
на подоконнике спит кошка,
бабушка разбирает гречку.

* * *

Кот рыжий не встречался вам?
Вальяжный, важный, весь домашний,
невозмутимо и бесстрашно
идуший по своим делам?

Мы как-то шли с ним по листве
сентябрьского почти что лета.
Он одного с листвой был цвета
и излучал неяркий свет.

Четыре лапы, две ноги –
мы разошлись у магистрали.
Но разговаривать не стали,
хотя, наверное, могли.

Во всяком случае, он так
серьезно глянул на прощанье:
мол, ты смотри – пообещай мне
машин беречься и собак.

Я, от тоски заледенев,
ответный взгляд послать решила:
мол, ни собаки, ни машины
не могут быть страшней людей...

Надеюсь, взгляд ответный тот
его предупредил о многом.
Брожу по улицам с тревогой –
вам рыжий не встречался кот?..

* * *

Алое солнце на сером небе:
вроде бы лето, а бьет озноб.
Как же принять, что со мною и с ней был,
что выбираешь из двух зазноб?

Выбрал другую? Из рук я - птицей.
Мятые крылья - впервой ли мне?
Что же ты медлишь со мной проститься?
Что же сжимаешь еще сильнее?

Что же ты тянешь? Куда мне деться?
Хочешь, сама я курок – на взвод?..
Алое солнце упало сердцем,
так и не выкрасив небосвод.

* * *

Мы болтаем, смеемся и спорим о «плюсах» и «птичках»,
обсуждаем с тобою вопросы любви и искусства.
И ты видишь меня глубоко психотерапевтической.
И не видишь, что в доме моем обжигающе пусто.

Изучаешь поэзию, путь поэтический выбрав,
и меня изучаешь, как дети – учителя в школе.
И ты слышишь, чем связаны строки изящных верлибров.
И не слышишь, что я иногда замолкаю от боли.

Как легко путешествовать вместе с крылатым Пегасом:
рифмы с ритмом почти подчинились, и образность - вскоре.
И ты знаешь, что мир справедлив и безмерно прекрасен.
И не знаешь, что дружишь с принёсшей мне первое горе.

* * *

Такие осадки сойдут за осаду:
из дома – никто, и домой к нам – никто.
А дождь барабанит по стеклам как надо,
до жути пугая домашних котов.

Гроза разрывает тяжелое небо –
ей молнии в радость горстями метать.
Потоки воды – хоть забрасывай невод
и, может быть, даже поймаешь кита.

Еще не сентябрь, не расплата за кражу
земного тепла из небесной казны.
Мне город кивает рекламной растяжкой –
еще отогреемся после грозы.

* * *

Ты точку не даешь поставить –
закончить книгу.
Я в ливне слышу неспроста ведь
мотив из Грига:
мне страшно годы ждать напрасно,
горя украдкой...

Но, отпустив тебя, погаснуть
страшной стократно!

Отбросив муть драматизаций,
услышу в ливне,
что Сольвейг, если разобраться,
была счастливой.

* * *

В который раз отказываюсь «в жены»:
не страшно быть одной и «без плеча».
Страшнее из горящей стать сожженной,
чем розы на «д.р.» не получать.

Я остаюсь упрямой и стихийной,
свободной и сжигающей мосты:
стоят цветами в вазе мастихины,
а значит - мне подвластны все цветы.

* * *

Транспорт общественный, выставший за ночь,
зимнему солнцу подставил бока.
Листья, забытые за зиму напрочь,
спят в серых почках-клубочках пока.

Солнечный свет с выси льется отвесно,
ряби отгадка проста и легка:
ходит по небу троллейбус небесный,
мягко покачивая облака.

Он перевозит дожди, снега-вьюги,
сны и в пути заблудившихся птиц.
Запахи лета привозит он с юга,
с севера – холод, тревоги – с границ.
Ночью – все дремлет под звездною бездной,
хрупок, как снег, и как сон, невесом...

Знаешь, по слухам, троллейбус небесный
скоро поедет за новой весной.

* * *

Из северного полушария,
взнаглев и поправши «авось»,
весна, я тебя приглашаю
в свой город, промерзший насквозь!

Мы сможем творить что угодно
да так, что из снега – вода!..
Весна, я свободна.
Свободна!
И жду тебя как никогда.

Зима, безразмерно большая,
спасует, от солнца осев.
Весна, я тебя приглашаю.
Впервые. Всерьез.
Насовсем.

* * *

Отказаться от шанса прожить на пределе жизнь
равносильно тому, чтобы вовсе ее проспять.
Мы с тобою следим, чтоб играющие во ржи
не упали бы в пропасть – задача весьма проста.
Вечный вечер над полем огромным. И прост расчет.

Воздух страшно бесстрастный колеблется и дрожит.
Он получит однажды и нас. Но пока еще
мы над пропастью этой извечной стоим во ржи.

Опыт в роли ловца очень круто меняет жизнь:
бездна всюду с тобой – как ты окна ни занавесь.
Мы не сможем уже, как другие, играть во ржи...

Улыбнись мне в ответ пока мы еще оба здесь.

